

Она вошла в кабинет и нечаянно задела стопку бумаг на краю стола у входа. Нагнулась, чтобы собрать листы, повернувшись спиной к столу Михайлова. Он с удовольствием и беззастенчиво рассматривал оголившуюся загорелую спину и верхний край колготок с черными трусиками под ними, выглядывавший из-под черных брюк. Его всегда забавляла эта манера секретарши носить колготки под брюками. Зато, когда доходило до секса, ему начинало казаться, что она нарочно так одевается для этого случая. Наверно, так оно и было. Потому, что это всегда были не просто какие-нибудь, а красивые дорогие колготки. И она очень часто, уже сняв обувь и брюки, вдруг находила предлог, чтобы опять надеть короткие сапожки на шпильке и остаться в футболке или свитере и своих шикарных колготках, заманивая его их блеском и изящностью каблучков. Михайлов чувствовал, что она пытается управлять им. При этом он сам считал, что надо поощрять это стремление в красивой любовнице. Главное, сохранять контроль над ситуацией. Периодически повышал зарплату, непременно прямо во время секса в кабинете. Мелкие подарки, путевка в Турцию (без шефа).

— Полина, ты обедала? Нет? Поехали к «Иванычу». А потом, пока нет пробок, съездим, посмотришь на мой строящийся коттедж, ты же давно хотела.

Коттедж был примером классической незавершенки. Коробка полностью готова. Входные двери и стеклопакеты вставлены. А вот полы, потолки, межкомнатные двери и стены отделывать даже не начинали. Рабочих не было видно. Михайлов не очень-то спешил с этим строением и, как выяснилось, отпустил всех на неделю. Однако, увидев на полу толстый и широкий поролоновый матрас с постелью, Полина поняла, что домой ей сегодня вернуться не светит.

— Это я тут в субботу ночевал, — сказал Михайлов, как бы извиняясь.

Ночь была классная... Михайлов открыл глаза, когда Полина, уже одетая, сидела на краю постели с тюбиком помады в руке.

— Блин, как я люблю смотреть, как ты это делаешь! Ну, сними брюки!

Она с готовностью расстегнула молнию, но вдруг остановилась, положив руки на бедра.

— Ну, давай же, медленно и осторожно, чтобы не порвать, — сладострастно пропел Михайлов. — А теперь сапожки. Надень их.

— Любишь мои сапожки?

— Очень! Давай, пройдишь в них к окну.

— Только с условием, — она сделала паузу, — ты поцелуешь мои ножки, когда я их надену.

— Я думал, опять оклад повысится. Легко, поцелую с удовольствием.

Она была хорошим секретарем, грамотно писала, умела разговаривать с людьми, все понимала с полуслова. Но таких немало. До этого Михайлов часто менял секретарей, а вот Полина привязала его к себе прочно и надолго, сразу, завершив первый же рабочий день замечательным минетом. Причем начальник кадров, как водится, навел справки на прежних местах ее работы. Она имела репутацию девушки сдержанной и строгой, хотя и раскованной в манерах и одежде. «Чтобы радовала глаз», — подумал Михайлов. А она сразу раскусила в нем самца, жадного и энергичного. На этот раз она опять удивила его, проявив некоторые диктаторские наклонности, непривычные для Михайлова в женщине. Выполняя обещание поцеловать сапожки, он вдруг столкнулся с непримиримым до истерики (ты не держишь

слово) желанием засунуть ему в рот каблук и заставить облизать пятку. Потом, играя, она крепко поцеловала его в ягодицу. Когда же он предположил, что она совсем рехнулась, Полина стала упрашивать дать ей почувствовать, как ему больно, и поставить ей засос на задницу. Михайлов послал ее на фиг и ушел в сортир, точнее в будущий сортир, в котором из аксессуаров был только временный унитаз для строителей. Он уселся поудобнее, и тут в дверном проеме нарисовалась Полина. Она ловко взгромоздилась к нему на колени, приблизила лицо к лицу и стала целовать в губы.

— Ну, прости, прости, — она сползла на пол, целуя его живот и ноги, практически засовывая голову между ног в унитаз.

— Милая моя извращенка, такая ты мне все равно, даже нет, еще больше нравишься.

Полина нежно взяла двумя руками его правую руку. И вдруг он почувствовал прикосновение чего-то металлического к руке, услышал щелчок, и Полина тут же, оттолкнув его, вскочила на ноги. На руке был наручник с цепочкой, банально прикованной к горизонтальной трубе. Он попытался вскочить, но длина цепочки была такова, что он не смог выпрямиться, даже опустив руку вниз. Так и остался с невытертой задницей голый и на полусогнутых. Полина резко вышла и, не отвечая на его угрозы и проклятья, зачем-то копалась возле постели, потом выскочила на улицу. Он услышал шум отъезжающей машины. Михайлову было...

Противно?... Неловко?... Страшно?... Не подобрать слово. Просто было хреново. Наручник, цепочка и труба были настоящие, сломать что-либо, как это делают герои фильмов, не удавалось. И вдруг в пыли за унитазом он увидел мобильник. Это был не его и не Полинин телефон. Рабочие забыли что ли? Он взял телефон и задумался, кому звонить. Не заму же по безопасности ил кому-нибудь из сотрудников. В его положении оставался только, как говорится, «звонок другу». Колька, сосед по парте, был сейчас простым водителем маршрутки, но это был единственный человек, с которым Михайлову было легко общаться. Единственный, кто мог приехать, привезти одежду и инструменты, никуда не заглядывать, ничего не спрашивать и тут же уехать. «957... « Начал набирать Михайлов. Черт! Кнопки не работали. Ничего не помогало. Индикатор заряда показывал полную зарядку. Рабочие ушли три дня назад. Да и не могли они не вернуться за телефоном. Это трюк этой суки. Она подготовилась, заранее прикрепив цепь с наручником к трубе. Телефон оставила она. Действительно, через полчаса раздался звонок. «Долго в цепях нас держали... « — мелодия конкретно обозначила звонившего.

— Ну? — спросил Михайлов.

— Не мерзнешь?

— И зачем ты все это затеяла, сука?

— А ты бы сам позвонил и спросил. Аппарат не работает? Ну, я скоро приеду, почию, шеф! Такой вот ненадежный аппарат. С ним это бывает, работают только входящие звонки и две кнопки быстрого набора. Один — это мой номер, два — это твоя жена.

Утро сменил день, день сменил вечер. Михайлов тщетно боролся то с цепью, то с телефоном. Настройки были не доступны. Он даже не мог посмотреть, определяется его номер или нет. Он был человеком решительным и пошел на риск. План был прост. Спросить жену высвечивается ли его номер. Если да, то пусть Николай позвонит по этому номеру. Если установлен запрет определения номера, пусть начальник безопасности пробьет его через операторов сотовой связи, и, все равно, звонить должен только Николай. Он набрал двойку. Звонок приняли, но молчали. Что там эта сука устроила в городе? Михайлов позвал жену по

имени, жестко потребовал ответить. И вдруг услышал злорадный женский смех.

— Похоже, тебя прижало? — смеялся чей-то очень знакомый голос, — мы с Полиной скоро приедем. Ты, про какую жену думал? Это я теперь буду твоей женой, точнее ты будешь моей. Михайлов, честно говоря, порядком измучился, и к утру, склонив голову к унитазу, задремал. Он очнулся и обречено посмотрел на выдавшее виды чудо сантехники. Это, в общем-то, неплохо быть узником в туалете, хотя бы с точки зрения санитарных условий. Но, если не есть вполне можно несколько суток, то пить хотелось болезненно. Он зачерпнул ладошкой воду из горшка и смочил губы. За спиной внезапно раздался смех.

— Поспал, теперь нужно попить.

У входа в сортир стояли две женщины. Рыжая высокая Полина и полная ярко накрашенная брюнетка в короткой юбке и высоких красных остроносых сапожках. Михайлов узнал Юлию из бухгалтерии, которую он недавно уволил за допущенную грубую ошибку. Это она отвечала по телефону. Она еще приходила к нему в приемные часы, просила оставить на службе, ссылаясь на серьезные семейные проблемы, а в завершение всего задрала ту самую короткую юбку, обнажив киску без трусиков, приглашая его овладеть собой. Но она же не знала, что Вадим Алексеевич только что сладко кончил в рот Полине и то, что при других обстоятельствах непременно бы сработало, на этот раз не помогло.

— Да, — сказала Полина, — это моя подруга, и я виновата пред ней, что не предупредила ее тогда, что в яйцах у тебя пусто и с тобой бесполезно разговаривать.

— И всего-то делов? Юля, я тогда Вас высмеял, но это же не повод для таких выходок. Ладно, я прошу прощения, и восстановлю Вас на работе. Хотя нет, наверно, это уже невозможно. Но я просто выплачу Вам и Полине очень хорошее выходное пособие и отпущу с миром. Честное слово. Полина, ты же знаешь цену моему честному слову? —

Михайлов старался говорить спокойно, но внутри все клокотало. Он, действительно, впервые давал честное слово, которое собирался нарушить.

— О деньгах договоримся. Но ты, Вадик, — Полина усмехнулась, — должен компенсировать и моральные потери. Тебе придется встать на коленки и поцеловать Юленьке попку. Смотри, какие на ней чулочки с резиночкой. А трусиков нет. Как тогда. Натяни максимально цепь, чтоб особо не дергался и встань на колени, уебок!

Михайлов повиновался. Ладно, отыграюсь. Юля задрала юбку и нагнулась. Он тут же попытался свободной левой рукой ухватить ее. Но получил сокрушительный удар в челюсть сапожком Полины, такой, что на несколько секунд выключился.

— Руку за спину и целуй! — Юля руками раздвинула ягодицы.

— Слышь, Юлька, прикольно, его кровь у тебя на заднице, как губная помада.

— Какая, на хуй, помада? Я, что, зря жопу раздвинула? Анус лижи, козел! Я специально для тебя с утра не подмывалась.

— Брось, не бойся, это обычный запах женщины, сходившей по большому и добротню вытершей зад бумагой. Но без биде, извини. Скоро привыкнешь, и тебе понравится, — Полина вертела в руках какой-то предмет.

Михайлов почувствовал этот сладковатый запах. Его чуть не вырвало. Он ударил Юлию левой рукой и вонзил зубы в ягодицу. Она дернулась с визгом, а он тут же снова упал на спину, на этот раз пораженный электрошокером. Когда он открыл глаза, над ним стояла Полина, широко расставив ноги, и приспустив колготки мочилась ему на лицо. Юлия держала шокер наготове в одной руке, а в другой был черный пластиковый член с поясом.

— Тебе придется ответить, не дергайся. Только, не бойся нашего черного друга, он будет бездействовать, пока ты будешь послушным. Что, Юль, давай снова зарядим шефа электричеством и теперь уже ты приведешь его в чувство.

— Нет, во-первых, я хочу, чтобы он надел футболочку, в которой он будет ночевать, после того, как я его обоссу.

— Чтобы одеть футболку, надо снять наручники, Юля!

— А, во-вторых, я хочу, чтобы он в здравом уме и сознании сам бы надел свою ночнушку и лег под меня. А пока пойдем выпьем. Ты знаешь мой номер «два», козел, позвони!

И они ушли. Звенели пивными бутылками. Несколько раз прибежали ссать. Для гигиены и безопасности они придумали такой способ. Михайлова ставили на колени перед унитазом. Кисти рук на пол. Одна из них вставала ему на руки, а другая мочилась на голову, глубоко опущенную в унитаз.

— Ты же сам не хочешь спать в луже мочи, сунь головку в унитаз поглубже, — говорила Полина заплетающимся языком, — а смотри, после пива она уже почти прозрачная. Соленая? Скажи, соленая?

Михайлов сначала бешено сопротивлялся, но его много раз глушили шокером, и он был уже, как овощ, почти неподвижный с трясущимися губами. Он вспомнил, что водка всегда помогала ему переживать трудности моральные. Физических он раньше просто не испытывал.

— Полина! А водка у вас есть? — спросил Михайлов и сам не узнал свой голос.

За стеной послышался приглушенный разговор, потом пьяный смех. Вошла Юля и протянула ему стакан водки. Он выпил залпом, не чувствуя вкуса.

— Хочешь еще?

— Давай!

Девицы дико заржали. Юля отступила в сторону. За спиной стояла абсолютно голая (не считая сапожек) Полина. В левой руке она держала бутылку водки, а в правой стакан, в который писала, то и дело промахиваясь.

— Я же говорила, что прозрачная и несоленая. 30 процентов на 70 процентов водки — твой фирменный коктейль, Вадим Алексеич!

Полина поднесла почти полный стакан к глазам.

— Многовато! — и, не доливая водки, выплеснула стакан Михайлову в лицо.

— Ну как? Не надумал? Звони, шалун! — пьяная полная брюнетка громко пернула и опять поплелась в соседнее помещение.

Через некоторое время Михайлов услышал из-за стены:

— Ой, Вадька, не могу. Открывай рот, я срать хочу!

— Ты че, Полинка, обалдела, вонять будет. Срать надо не на него, а в унитаз!

— А пусть сожрет все!

— А за пизду не укусит? Больно кусается! Сука! Не буду больше ждать его футболочки. Давай его трахнем, наконец, он заслужил. Зря что ли покупали эту хуйню черную! И уедем. Дома посрешь.

— Не дотерплю. Давай, его отодвинем в сторону, я на унитаз, а ты посторожишь, чтобы тихо себя вел.

Михайлов понял, что пора действовать. Он был совсем избит и измучен, но и они пьяные. Он покорно отодвинулся от унитаза. Полина взгромоздилась на деревянный стульчак,

закряхтела... И тут Михайлов резким движением правой рукой ухватил присевшую на корточки Юлию за волосы, а указательный и средний пальцы правой оказались около инстинктивно закрывшихся глаз девицы. Юлька взвизгнула и завалилась на четвереньки, а он, продолжая удерживать кончики пальцев прижатыми к векам, оказался рядом с ней в такой же позе.

— Полина, сука, снимай наручники. Или я сейчас этой бляди zenки выдавлю!

Полина вздрогнула, но тут же рассмеялась.

— Ну, ну, давай. Тогда уж точно твоей жопе конец, даже моя черная игрушка не понадобится. Тебя посадят за увечье или убийство, а там ты сам знаешь, что с тобой сделают. Заткнись, если хочешь остаться со стопроцентным зрением! — прикрикнула она на заголосившую матерно подружку.

— Мне все равно сейчас. Отпускай меня, положи ключ на пол и сматывайся. А эта пусть попробует вырваться, пока я открываю замок. Правда, все равно потом найду. Так что лучше, чтобы я вас сразу убил.

— Действительно, все равно? Ну, тогда я сначала сама тебя трахну. Смотри, какая поза удобная. Жаль только за кремом для смазки надо в комнату сходить, а я боюсь тебя одного оставить, наделаешь что-нибудь. Опять же и позу изменишь.

Михайлов тут же испуганно повалился на спину, увлекая с собой свою заложницу.

— Забавно мы тебя выдрессировали. Только, знаешь, это Юлька думает, что мы мстим тебе за то, что ты не дал ей заработать на операцию для мужа. Ну, умер мужик. Такая судьба, хотя деньги ей уже, правда, не к спеху. Но ведь мог бы и сам заработать, или в долг бы взяла, например, у меня...

— Ты же клялась, что нет у тебя, — всхлипнула Юлька, боясь делать резкие движения головой.

— Верно, был у меня свой резон так обрабатывать его с твоей помощью. Ты, Юль, не бойся, видишь, как он в петухи попасть боится, аж голой попой к кафелю прижался. Ты, козлик, мою жизнь сломал. Помнишь Носова Петра Петровича. Ты всю жизнь гордился, что такого олигарха сломал. А когда он на своем мерине нарочно в столб въехал, даже на похороны приходил, раскаивался. А сам все равно гордился. Я то знаю, правда? А помнишь на похоронах маленькую девочку двенадцати лет, дочку Петра Петровича? Узнал, теперь? Мы тогда вообще всего лишились. Мать пошла опять в НИИ работать, запила, заскандалила. А я через год не выдержала, из дома убежала, пропала, бомжевала, собой торговала. Потом нашелся человек из ментов. За групповуху со всеми его друзьями, сделал мне новые документы и отправил к бабке в Орловскую область. Я всю жизнь жила, думая о тебе, сволочь!

Михайлов все понял, понял и то, что это, как говорится клиника. Не он был виноват в смерти Носова, бизнес есть бизнес. Но Полину ему уже не остановить. Он так устал...

— Получается, выход у меня один. Убей меня прямо сейчас, тогда заберешь свою толстожопую дуру, и проваливай.

— Нет, дорогой, это слишком просто. Да и мне садиться не хочется. Сейчас я вызову по телефону специально подготовленного человека из загса и он зарегистрирует наш с тобой брак. Правда, начиная с первой брачной ночи, ты меня трахать уже не будешь, а вот я тебя... Если захочу... Зато никто не узнает о том, что здесь было.

— Никто ничего не регистрирует, я женат. И никто ни за какие бабки не станет

расписывать пьяную шлюху и голого мужика в наручниках. А насчет не узнают, так нас здесь уже толпа из трех человек.

— Женат ты гражданским браком, это не помеха, а что до парадного костюма и соблюдения тайны, так мы оденемся как следует. А Юля будет молчать. Правда, Юля?

Глаза Юльки были по-прежнему закрыты кончиками его дрожащих пальцев, и она ничего не видела. В руке Полины он увидел опасную бритву, которую она протягивала ему.

— Это твой шанс!

Он с отвращением вспомнил запах Юлькиного ануса, взял бритву и неумело полоснул по горлу испуганной дуры.

P. S. В течение всей оставшейся жизни Полина ни разу не трахала супруга. Должен быть у человека стимул работать. Она даже ходила с ним на вечеринки и трахалась со своими любовниками вне дома. Ей самой была нужна эта тайна.